

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА И ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ВОЙНА И ИМПЕРИЯ;
АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ИЛИ УПРАВЛЕНИЕ:
ЧТО МОЖЕТ СТАТЬ НОВОЙ НОРМОЙ ПОСЛЕ ВЫХОДА ИЗ ПАНДЕМИИ?
УРОКИ, КОТОРЫЕ МЫ ИЗВЛЕКЛИ ИЗ ИСТОРИИ**

Деметриос Аргириадес¹

*“И что же делать нам теперь без варваров?
Ведь это был бы хоть какой-то выход»
Константинос Кавафис “Ожидая варваров”*

АННОТАЦИЯ

Мир переживает совершенно беспрецедентную и непредвиденную ситуацию: глобальную по своему масштабу и отличающуюся редкой вирулентностью пандемию. Пандемия затормозила экономический рост, благами и надеждами на светлое будущее которого пользовалось лишь незначительное меньшинство, в то время как огромные массы людей продолжают сводить концы с концами. В отсутствие какого-либо ясного срока окончания пандемии и учитывая то тяжелое положение, в котором в основном оказалась беднейшая часть населения и те слои общества, которые в наименьшей степени способны сами за себя постоять, по мере того, как страны готовятся к выходу из кризиса вопросы, нередко задаются вопросы: «Возникнет ли «новая норма», когда мы выйдем из кризиса, и какой будет эта новая норма?». В данной работе этот вопрос исследуется на основе прошлого опыта. В этом отношении как нельзя кстати может оказаться история античности и средневековой Европы. Мы говорим о моделях управления; мы говорим об институтах, а также об идеологиях, которые лежат в основе этих моделей и формируют эти институты. Они изменились со временем. Но именно в тот период, начиная примерно с эпохи Перикла и заканчивая эпохой Макиавелли, мы можем проследить зарождение и первые дебаты как о формах управления, так и об общих ценностях, которых они должны придерживаться. Именно в Афинах (Греция) и именно в пятом веке впервые возникли систематические рассуждения о политике, партисипативной демократии и этике. Золотой век Афин (478-404 гг. до н.э.) породил исключительных правителей и мыслителей во всех сферах деятельности; таких как Перикл, Фемистокл, Фукидид и предшественник Аристотеля Платон. Золотой век пришелся на период гегемонии Афин. Он завершился внезапно после затяжной войны, усугубленной пандемией. Эта тридцатилетняя война (431-404 гг. до н.э.) обстоятельно обсуждается в основополагающем труде Фукидида, который по сей день изучается как политологами, так и студентами военных заведений. Как все мы знаем, поражение положило конец гегемонии Афин, а также решило судьбу Спарты или Лакедемона. Лишь по прошествии многих веков и Афины, и Спарта смогли действительно восстановиться. Фукидид исследует эту последовательность событий. В его детальном анализе можно выделить три эпизода. В первом описывается политика, проводимая Афинами и Спартой в целях установления и закрепления господства над своими союзниками. Второй эпизод посвящен речи, приписываемой Периклу, более известной как «Погребальная речь Перикла»². В неповторимой прозе, также, как и в стереотипах многих западных лидеров в наши дни, воздавалась хвала Афинам и демократическому правлению, при этом критике подвергались противники Афин, избравшие другие пути. В другом эпизоде, «Митиленские дебаты», Фукидид повествует о том, как афинский гегемон «наказал» митиленцев после их восстания³. Объясняя это, Фукидид, словами, которые он приписывал правителям Афин, недвусмысленно выразил мнение, что демократическое управление на самом деле несовместимо с империей и, когда наступает критический момент, демократия не способна удержать империю без применения силы (Thucydides 1985: 229-290). Последовательность событий, приведших к

¹ Профессор государственного управления, John Jay College, CUNY; бывший консультант ООН.
Email: dimitriarg@gmail.com

² http://corematerials.homestead.com/01_pericles_funeral_oration.pdf

³ Митиленские дебаты в Афинском Собрании касались репрессий против города-государства Митилини, который безуспешно пытался избавиться от афинской гегемонии во время Пелопоннесской войны. Дебаты произошли в 427 г. до н. э.; Фукидид сообщает об этом в третьей книге своей «Истории Пелопоннесской войны» и использует события и речи как важную возможность поразмышлять и предложить свои взгляды на политическое и идеологическое влияние войны на вовлеченные стороны.

войне и гибели обеих воюющих сторон, породила красноречивое выражение «ловушка Фукидида». В последние два столетия, а также и на протяжении двух тысячелетий, многие национальные лидеры попали в эту ловушку. Как следствие пострадали мир, демократия и разумное управление.

Ключевые слова: модели управления, менеджмент, государственное управление, государственная служба, пандемия COVID-19.

ВВЕДЕНИЕ

Какой будет новая «норма», и насколько *новой*? Глядя на прошедшие десятилетия, начиная с 1980-х годов, безусловно, «норма» подразумевала «сокращение государственного сектора... для того, чтобы рост, стимулируемый частным сектором, эффективно выполнял... такие функции, как управление экономикой...» (World Bank 1994: XVI). Этот подход, основанный на «управлении эффективностью деятельности» был сфокусирован на «сдерживании расходов», «сокращении» и «оптимизации» (World Bank, указ. соч.). **Распределительным** аспектам создания богатства на социальном, национальном и международном уровне в нем практически не уделялось внимания. Система, которая «лишала привилегий» государственный сектор в целом, также как и беднейшие слои населения, способствовала военным действиям за рубежом и увеличению военных бюджетов. Во внутренней политике, напротив, практиковалось так называемое 3D (Downsizing, Devolution and Deregulation) (сокращение, децентрализация и дерегулирование) *наряду с аутсорсингом* и знаменитыми Es (Economy, Efficiency, Expediency and Effectiveness) (экономичность, эффективность, целесообразность и результативность). Внимание было сосредоточено на краткосрочной перспективе. Поэтому неудивительно, что, когда разразился кризис, единственной ветвью власти, имевшей необходимые стратегические резервы, были вооруженные силы США: военно-морской госпиталь и инженерный корпус вооруженных сил, которые оперативно пришли на помощь Нью-Йорку и штату, столкнувшимся с острой нехваткой оборудования и персонала. Неудивительно, что необычный по своей тяжести и масштабу кризис вывел на первый план институты власти и социальной солидарности. Этими институтами, как правило, пренебрегают во времена относительного благополучия. Все институты власти стали центрами координации общественных ожиданий и насущных требований людей. Но именно малоимущие и люди, находящиеся на задворках общества, приняли на себя главный удар кризиса.

Будет ли это «новой нормой» или эта норма повлечет за собой исправление нарушенной системы с доказанной неспособностью справляться с мега-кризисами, как и общеизвестной склонностью подчиняться требованиям богатых и сильных? Это система, движимая одномерным мышлением и односторонними взглядами на управление, государственное управление, общество и государство. В условиях глобальной насущности ЦУР 16 и стоящей перед нами проблемы изменения климата, система, обеспечивающая равенство и всеобщую инклюзивность, несомненно, должна быть нормой, к которой мы должны стремиться (Roberts 2020: 604-606; Vaimenov and Liverakos 2019: xi-xxv: 1-30; Sen 2009: 208-238, 241-253). Но так ли *нова* эта норма? История дает нам разъяснение. Она показывает нам, что такие нормы рождаются во времена кризиса. Иногда они быстро забываются, как только ситуация начинает улучшаться. Они часто перерастают в политические программы или же в *мифы* и *концепции*, которые обретают свою собственную жизнь. История «Запада», с древнейших времен и до наших дней, является богатым источником ТАКИХ МИФОВ И ТАКИХ КОНЦЕПЦИЙ; К СЧАСТЬЮ ИЛИ К СОЖАЛЕНИЮ.

ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Но нет худа без добра. После четырех десятилетий рейганизма, из которого мы извлекли урок, что «большое правительство» является источником всех наших проблем, последствия пандемии должны были продемонстрировать совершенно обратное. Мы медленно открываем заново для себя ценность «государственного» в государственном администрировании, в том числе заинтересованность в государственно-частном партнерстве, в котором «государственный» аспект является главным (Nabatchi 2010: S309) Внезапно воскреснув, Административное государство стало не только банкиром или казначеем, но и эпидемиологом, вирусологом, работодателем, инженером, социальным администратором, врачом первой и последней инстанции. Роль *регулирующего*, подвергнувшегося критике в 1990-е годы *либеральными* экономистами как «бюрократия», неблагоприятная для прогресса, была восстановлена, когда проявились со всей очевидностью последствия отсутствия должного контроля над программами проживания с поддержкой и связанными с этим домами престарелых. Всего за несколько дней были введены ограничения права на труд, а само право на труд стало зависеть от оценки правительством того, что в настоящее время является **существенным**, в отличие от несущественных форм занятости и труда.

Это был *сдвиг парадигмы*. После четырех десятилетий рейганизма, в течение которых все мы верили, что в лучшем случае правительства можно охарактеризовать как «необходимое зло», общество признало, фактически, необходимость обратиться к правительству за руководством и помощью. Общество, хоть и по-разному в стране, но массово в Нью-Йорке, проголосовало за правительство, которое после пандемии будет использовать свои огромные полномочия для мобилизации экономики, пострадавшей от пандемии, но, что еще более важно, будет *исправлять* многие вопиющие ошибки, которые резко обозначил кризис, вызванный COVID-19. Ни одна из этих бесчисленных ошибок не осталась незаметной ни для граждан, ни исследователей в нашей области дисциплины. Однако они были широко приемлемы или, в лучшем случае, с ними мирились в течение долгих десятилетий «*тысячелетней парадигмы*», если говорить словами статьи, опубликованной в PAR менее года назад. Основная идея этой статьи шла в разрез с преобладающими взглядами, которые разделяло большинство американцев в конце двадцатого и начале двадцать первого веков; взглядами, широко распространенными после событий 11 сентября и последовавших затем военных действий (Roberts 2020: 604).

Довольно неожиданно и резко впали в немилость не только унаследованные от Рейгана и «облагороженные» Клинтоном идеи о правительстве, но и связанная с этим излишняя самоуверенность (Roberts 2020: 604). Критика институтов, когда-то гневно отвергнутая как «непатриотичная», стала не только приемлемой, но и неотъемлемой частью продолжающихся дебатов о демократическом правлении и связанных с ним реформах. Новый *сдвиг парадигмы*. Хотя не в полной мере, если учесть, что контрреволюция под предводительством Рейгана - Тэтчер, а также лейбористской партии в Великобритании в первые послевоенные годы, представляла собой последовательную и согласованную попытку свести на нет результаты ряда реформ, начиная со времен Рузвельта (новый курс) и заканчивая войной с бедностью и за гражданские права (Линдона Б. Джонсона). Новый курс и программа «война с бедностью», а также ООН и послевоенное восстановление не только по-новому определили роль и масштабы управления, но и выявили новые модели и новые инструменты, имеющиеся в распоряжении правительств для проведения своей политики на национальном и международном

уровнях. Мы, возможно, заново открываем для себя ценность этих инструментов, порожденных очередным кризисом, который обрушился на западный мир в 1920-е и 1930-е годы; кризис, благодаря которому Джон Мейнарда Кейнс снискал себе бессметную славу (Carter 2020).

Любопытно, что этот же кризис послужил толчком к всплеску широкого интереса к векам нашей истории, которые до недавнего времени считавшимся закрытыми. Их пересмотр стал поводом для переосмысления, повлекшему за собой новый взгляд на прошлое. Почитаемые правители подвергаются критике; их памятники оскверняются, а наследие уничтожается. Зачастую это происходит в результате слияния прошлого и настоящего, забывая при этом о том, что большинство правителей или военачальников следуют ценностям и риторике, принятым в их время. Редким исключением являются те, кто выдержал давление общества своих дней и прошел *испытание временем*. По мере того, как мы выходим из кризиса, затянувшегося на четыре десятилетия, время, в которое мы живем и затруднительное положение, в котором мы оказались, требуют, чтобы мы вновь обратили внимание на события и личности прошлого, которые во многом определили наши судьбы и действия, идеи и институты. Можно сказать, что история и историография приобретают значение, главным образом, во времена кризисов. В этом контексте можно вспомнить еще одну войну, которая длилась тридцать лет, и еще одну пандемию, которая положила конец этой войне. Той исторической войной была Пелопоннесская война, прославившая Фукидида. В этом же ключе связи вспоминается Макиавелли, который пытаясь придать смысл раздробленности Италии 15-16 веков, всегда старался извлечь уроки мудрости из прошлого. Во времена относительного изобилия, как это было в последние четыре десятилетия, историография меняет свои взгляды не столько на пути познания, сколько для служения вождям и их целям.

В статье, написанной для Национальной конференции Американского общества государственного администрирования в марте 2020 года, автор извлек уроки из изучения, и также зачастую слишком частого неправильного истолкования наследия, которое сформировало наши основные институты управления. Нося фамилию Аргириадес, я не могу скрыть тот факт, что я и сам являюсь продуктом этого наследия. Тем не менее, я надеюсь, что вы не подумаете, что я придерживаюсь не критичного взгляда, забывая об уроках истории, занимаясь вместо этого *«доксологией»* или *«агиографией»*. В качестве вступления позвольте мне предположить, что наша политическая культура, а также институты и соответствующая лексика берут свое начало, главным образом в трех городах, а именно: Афины, Рим и Иерусалим. Сюда бы я хотел добавить Александрию важнейшего периода в истории - с IV века до н.э. и до III века н.э.; потому, что, как и Нью-Йорк в наши дни, она представляла собой «плавильный котел» народов и идей, в том числе из Персии, из Индии и за ее пределами.

От государства-города до империи

Важно отметить, что эти города и эти века, начиная с эпохи Перикла, времен Римской республики и империи и до правления Константина Великого, стали колыбелью двух резко контрастирующих подходов к управлению и гражданской обязанности. Они существуют и по сей день. Один из них – «благое» управление - на службе у граждан и общества в целом и под их контролем. Примерами этой модели являются, как *Полис*, так и *Республика* времен от Перикла до Цезаря. На пике своего расцвета Афины стали центром и - гегемоном - содружества или империи, что, как утверждал Фукидид, в итоге

было пагубным для ценностей демократии, а также, по большому счету, скоротечным. Примером другого подхода стал Рим. Хотя некоторые из его завоеваний в Европе и Западной Азии относятся к более ранней дате, чем поход Цезаря на Рим, они предзнаменовали прогрессивные, но в то же время масштабные изменения в целях и стиле управления. Титул императора, принятый незадолго до наступления нашей эры (31 год до н.э.), означал нечто большее, чем концентрацию власти, что этот термин и стал подразумевать. Император не только стал бесспорным правителем империи, но и вскоре был наделен ореолом божества. Позднее, при Константине Великом (306-337 гг.), императору были присвоены титулы «Равный апостолу» (*Исапостолос*) и «Защитник веры» (*Fidei defensor*). Наступило время мистификации и возвеличивания правительства и государства; и это никогда не покидало нас. В сущности, смена парадигмы означала, что граждане больше не находятся в центре внимания или являются главными агентами действия правительства и управления. И хотя иногда народу на словах выражалось преданность (например, *Vox populi, vox Dei*) - император служил прежде всего перед Богом и его царствованием (*Dieu et mon Droit*). Граждане республики становились субъектами империи; необходимыми для целей создания государства и императора... вновь великого!

Ad majorem gloriam Dei (к вящей славе Божьей) правительство и государство были смело изобретены заново и представлены как инструменты Всемогущего и Истории. Забегая вперед, мы увидим, как этот нарратив используется снова и снова. В средние века этот нарратив и миф лежали в основе западных крестовых походов. В 19-м и начале 20-го веков они служили для того, чтобы узаконить имперские экспансии и завоевания. И то, и другое объяснялось как «цивилизационная миссия» (*“mission civilisatrice”*) империи и Запада. «Запад», дитя империи, как миф и метафора завоевания и экспансии, действительно был рожден из крестовых походов. Относительно недавно в наши дни, этот же миф добавил смысл идеям «западного либерального порядка» и «защиты свободного мира». Обе идеи берут свое начало из принципа единства, который лежал в основе доктрин о государстве и вере в Средние века (ср. Dante's *De Monarchia*). Согласно ему мир должен управляться одним правителем и придерживаться одной религии. На самом деле, как мы хорошо знаем, крестовые походы по большому счету являлись войнами для завоевания и ограбления. Крестоносцы на пути на Ближний Восток обрушили свою ярость на беззащитные религиозные меньшинства и на Константинополь, сегодняшний Стамбул, который в то время был центром Восточной Римской империи. Разграбление Константинополя пришлось на 1204 год, но это усугубило противостояние и конфликт, продолжающиеся и по сей день. Противостояние началось в 9 веке нашей эры и к 1054 году привело к полному расколу Римско-католической церкви и Восточной православной церкви.

Это повлекло за собой постепенное расширение пропасти между двумя половинами империи и, продолжающееся по сей день, деление мира на «Запад» и «Восток». То, что со временем этот разрыв приобрел геополитический, а также моральный подтекст, является неизбежностью, о которой мы до сих пор не все знаем, но которую мы теперь принимаем почти как закон природы. За последние десять столетий этот миф выжил, а нарративы развивались в соответствии с обстоятельствами. отождествляя Запад и Восток с двумя связанными концепциями - с понятиями *цивилизации* и *варварства*, соответственно, - обе из которых также происходят из греко-римского мира, - «Запад» вскоре стал означать разумное и прогрессивное управление, в то время как «Восток», напротив, подразумевал деспотизм, отсталость и произвол. Ссылаясь на высоко ценившиеся Грецию и античный мир, в конце семнадцатого или начале восемнадцатого

века «Византия» была «заново изобретена». Географическое название из античного мира, на территории которого сегодня находятся Босфор и Стамбул, стало означать отрицательные стороны империи, от которых эпоха Света стремилась отмежевать Рим, шаблонно критикуя за них Византию. Даже сегодня, «византизм» и «византийский» - пренебрежительные выражения, которые мы используем, указывая на симптомы «бюрократии» и мракобесия.

Дружественные государства, играющие в опасные географические игры, в наши дни называются «западными демократиями», хотя некоторые из них могут находиться на Ближнем Востоке. Некоторые из них, которые стали называться западными демократиями всего несколько лет назад, могут лишиться обоих составляющих этого определения, как только впадут в немилость. Начиная с Турции и заканчивая Украиной частота и скорость таких метаморфоз поражает воображение. И наоборот, тогда как демократия шаблонно считается укоренившейся на «Западе», антилиберальные режимы объединяются на Востоке. Так, в нашем «западном» языке понятия «деспоты» и «олигархи» настойчиво приписываются Востоку, где некоторые из них могут проживать; отсюда и понятие «восточные деспоты». Известный шотландский автор «Черного моря» писал так об этом:

“В середине XX века можно насчитать мало европейских национальных государств, которые в то или иное время не представляли себя “аванпостом западной христианской цивилизации” ... В рамках каждого из этих мифов, созданных национальными государствами, “варварство” определялось как состояние или нормы поведения их непосредственных восточных соседей” (Ascherson 1996:49-50)

Вспоминая «варваров» с севера и востока, чьи набеги ускорили падение Рима, Запад все еще тщательно смотрит на Восток, «сканируя горизонт» на предмет вероятных угроз. Начиная с идеи кайзера Вильгельма II о «желтой угрозе» в начале XX века, когда Япония возникла внезапно в качестве фактора, влияющего на баланс сил в Восточной Азии, и до «китайского» или «уханьского» вируса в наши дни, можно обнаружить такую степень последовательности и преемственности в мышлении и риторике, которая ставит под сомнение возможность когда-либо перевернуть эту страницу и отойти от стереотипов, которые фактически не имеют под собой никакой основы, но продолжают жить. Мифы, которые формируют наш разум и нашу коллективную психику, упорно продолжают противостоять свету разума и историческим исследованиям, науке или анализу данных. Проще говоря, они глубоко укоренились в нашей коллективной психике и самоуважении (Roberts 2020: 603-609; Newland and Argyriades 2019: 2; Kim 2019: xv). Надежды, страхи и стереотипы становятся порой опасными, когда они существенно подкреплены еще одним мифом, также глубоко укоренившимся в нашей психике. Это так называемый «апокалиптический», бинарный взгляд на мир, соответствующий видению нас самих, как «Сияющий город на холме», сражающийся с «империей Зла» или «осью Зла». Им руководствовались Рейган и его подражатели, и он, к сожалению, получил новую жизнь в результате недавних политических кризисов и продолжающейся пандемии. Чтение истории важно, помимо всего прочего, для того, чтобы разрушить такие мифы и избавиться от нарративов, затуманивающих сознание и в совокупности представляющих опасность для демократии и мира.

ПОЧЕМУ ИСТОРИЯ ТАК ВАЖНА?

Итак, какой можно сделать вывод? Что мы можем извлечь из уроков истории и опыта двух с половиной тысячелетий? Прежде всего, на опыте мы узнали, зачастую

болезненно, что история важна. История — это наставник и учитель. Без глубоких познаний в области истории мы все являемся потенциальными жертвами нарративов и метафор, которые предлагают необъективные толкования реальности. В основном они выражают точки зрения власть имущих. История четырех десятилетий с начала 1980-х годов может предоставить множество доказательств этому. Изучение истории должным образом абсолютно необходимо для того, чтобы правильно понять наше общее затруднительное положение и извлечь уроки, которые она преподносит. К сожалению, сплошь и рядом происходит совершенно обратное. В течение многих лет история преподавалась как описание жизни знаменитых правителей: от Перикла до Цицерона; от Александра до Цезаря; от Вашингтона до Обамы. Мы узнаем об их деяниях, о памятниках, которые они построили, о достижениях и речах, составляющих их наследие. Что часто упускается, так это контекст, в частности системы институтов, законы, а также ценности и добродетели, которые позволили им действовать и создавать.

Системы и институты формируют ценности и добродетели, с помощью которых мы живем и действуем (De Vries and Kim 2014). Мы опасно ими пренебрегаем. Роль носителей ценностей занимает второе место в политическом дискурсе, который, соответственно, сводится к дебатам о личностях без прикрас. В последние годы мы наблюдаем всплеск этой склонности потакать критике, апеллирующей к чувствам, а не к разуму (*ad hominem*), пусть даже только для того, чтобы предложить, что наши системы безупречны, а те, которые нам не нравятся, способствуют антигармонии, которую мы можем исправить, устранив их. Древний мир преуспел в использовании такой «политики», которая сделала некоторых правителей знаменитыми (например, Cicero: “*Contra Catilinam*”).

Хотя некоторые деятели дали толчок великим реформам, они, большей частью, являлись результатом сложного взаимодействия между общественными силами и технологическим прогрессом или экономическими переменами. Тем не менее, неудивительно, что в политическом дискурсе мы по-прежнему придерживаемся, главным образом, «модели великого лидера». Конечным результатом стала героизация или демонизация наших правителей учитывая обстоятельства и отвечая требованиям переходном этапе. Это избавляет от необходимости углубляться в прошлое, изучать сложные национальные или международные условия, применяя целостные подходы к пониманию того, как формируются события, почему лидеры идут на войну и каковы могут быть последствия конфликтов (Herodotus 1984: 29). В политике и истории, а также в текущих делах, мы сосредоточиваем внимание полностью на конкретных личностях. Так, например, мы говорим об «администрации Байдена или Трампа». В то время как прошлому, социально-экономическим реалиям, демографическим тенденциям, народам и институтам уделяется довольно скромное внимание.

Отойти от этого преобладающего шаблона, подкрепленного весомыми повествованиями, может быть невозможно, кроме как помнить об опасностях, которые это влечет за собой, в частности о культе героев. Автор этой работы принял этот урок близко к сердцу. В ней упоминаются лишь некоторые имена; акцент прежде всего делается на эволюции государственных институтах и основных систем убеждений. Несмотря на преобразования, происходящие с течением времени, основные институты управления остаются примечательно устойчивыми и удивительным образом ничем не отличающимися, если сравнивать их структуры и основополагающие ценности с теми, которые зародились в античности. Подобно архитектурным особенностям Пантеона в

Париже или здания Верховного суда и Капитолия в Вашингтоне, они напоминают нам о своих истоках, которые лежат в Греции и Риме. Примерно двадцать веков спустя мы можем оглянуться назад с изумлением и восхищением от постоянства, последовательности и стойкости некоторых основных идеалов, даже несмотря на то, что с течением времени мир перешел, по сути решительно изменившись, от наследственного правления и автократического правления к преимущественно партисипативному, коллегиальному, ориентированному на граждан демократическому управлению. Значительное влияние на этот часто переменчивый прогресс оказали социально-экономические и технологические тенденции, а также успехи или движение идей, чему уделяется основное внимание в настоящей работе.

ДВЕ ПРОТИВОПОЛОЖЕННЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ

Сравнивая наши дни с днями античного мира, возможно, следует вспомнить, что двадцать пять столетий назад тридцатилетняя война и пандемия привели к катастрофическому окончанию Золотого века Афин. Переход через Рубикон (ср. *“alea jacta est”*) и поход Цезаря на Рим также ознаменовали конец Римской республики, которая вскоре превратилась в Римскую империю. Ее солнце так и не зашло. Восточная половина этой империи покорила османскому правлению в 1453 году, однако почти до наших дней все же сохранила некоторые элементы своего славного римского прошлого. В этот период Полис, Республика и Империя оставили в наследство всей Европе, включая Америку, а после Второй мировой войны и почти всему миру, структуры и формы, а также терминологию, которую мы используем изо дня в день. Примечательно, что и эти формы государственного управления в значительной мере берут свои истоки в двух прямо противоположных, резко контрастирующих моделях управления и государственно-административной деятельности:

- *Первая* из них представляла собой общественное самоуправление с акцентом на народ, его благополучие и безопасность, управлять и защищать которое были должны сами граждане. В знаменитой битве при Марафоне (490 г. до н.э.) участвовали солдаты из граждан, и аналогичным образом *«ta koina»*, т.е. общие заботы в политике и государственном управлении, были возложены на подотчетных граждан в соответствии с верховенством закона. Иными словами, гражданин являлся как главным агентом, так и получателем или бенефициаром услуг, оказываемых государственными органами и (или) гражданским обществом. Действительно, между этими двумя функциями была незначительная разница (Ktistaki 2013: 35-69).
- При *императорском правлении*, напротив, граждане становились *подданными* монархов. По существу, цели, для достижения которых Монарх решал применить ресурсы, находящиеся в его распоряжении, оставались на его усмотрении. Обложение налогами, часто неподъемными, стало для Императора способом сбора необходимых средств для вербовки и содержания армии наемников, как для обеспечения внутренней безопасности, так и завоеваний за пределами его владений. Это стало смыслом существования императорского правления, целями которого, как заявлялось, были «великая слава Монарха и Бога». Со становлением христианства в качестве официальной религии государства, Император стал защитником веры (*Fidei Defensor*), что на практике превратило религию в предлог и оружие для бесконечных «добродетельных» войн против неверных

за пределами государства, а также непокорных «еретиков» или других «смутьянов» внутри него. Войны объяснялись как действия *ad majorem gloriam Dei* («к вящей славе Божьей»), выражение, которое также используется иезуитами во всем мире.

Хотя следует подчеркнуть, что доктрина «народного суверенитета» никогда не исчезала полностью, ее регулярно прикрывались монархи или же она использовалась против них, распространение веры, подавление еретиков и обращение неверных в веру перевешивали другие соображения. Конечно, это шло *синхронно* с большими тратами - на строительство соборов и памятников или дворцов, которые служили сходной цели (т.е. славе Бога и Монарха). Западные крестовые походы, происходившие с перерывами в течение десятого, одиннадцатого, двенадцатого и тринадцатого столетий, в значительной степени совпали с *Великой схизмой*, другими словами, расколом, а затем разделением империи, и христианской Церкви, пополам. *Двойственность* и антагонизм Востока и Запада вывели эту схему и модель управления на совершенно новый уровень. Распространение веры и уничтожение групп инакомыслящих - всеми необходимыми средствами - переросли в *новую норму*. Постепенно она возобладала во всем «Западном мире», и таким образом родился *Запад*. Эта норма до сих пор непоколебимо с нами. В 1204 году крестоносцы на пути в Святую землю сначала осадили, а затем разгромили и разграбили столицу Востока Константинополь. Это был, пожалуй, самый первый из походов, в которой хищническое разграбление и завоевания сочетались с «цивилизующей миссией», т.е. «распространением» веры. Вскоре эта тяга к крестовым походам привела *конкистадоров* на Североамериканский континент, а затем и в Южное полушарие. Имперская экспансия продолжалась. Собственно говоря, все эти *новые нормы* никогда не покидали нас. Они отпечатались в сознании многих «западных» людей, которые продолжают называть свои войны и экспедиции «крестовыми походами». Даже вторжение нацистской армии в СССР в июне 1941 года описывалось подобным образом (Mazower 2008: 135-178). Совсем недавно, уже в наши дни, это выражение было возрождено в связи с вторжением в Ирак, которое вскоре все же завершилось, когда выяснилось, насколько плохо оно сказывается на положении населения в регионе.

Примечательно, что в дни иракского вторжения были сообщения о том, что присоединиться к экспедиции планировал известный евангелист, движимый надеждой на распространение веры. Спустя годы в наши дни визит папы Франциска привлек внимание к бедственному положению сокращающихся христианских общин, некоторые из которых являются одними из старейших в мире. За последние два десятилетия тысячи членов этих общин просто присоединились к растущему массовому оттоку, к которому в последнее время примкнули сотни тысяч мигрантов и беженцев - мусульман, езидов и христиан, бегущие от хаоса в странах, опустошенных бесконечными войнами, а также от оккупации, наркотиков, оружия и торговли людьми. Они бегут в более безопасные места в Северной Америке, Турции и ЕС, но при этом также лишают свои страны ценных людских ресурсов, которые крайне необходимы для управления, стабильности и социально-экономического развития. Можно забыть об идее «строительства нации»! Как и многие другие нарративы, начиная со знаменитой «Песни о Роланде» (примерно 1100 г.) и «Бремени белого человека» Киплинга и заканчивая «западным либеральным порядком» и «свободным миром», в наши дни они помогают увековечить модель культа героев, создавая множество героев среди нас, а также военным подвигам, прославляющим завоевания за рубежом и «дух крестовых походов». Продвижение «добродетельных» войн в «защиту» наших ценностей - религиозных или

политических - породило лобби и многочисленные группы активистов, чей бизнес связан с войной. Это делает ситуацию более опасной, чем она была до этого. Учитывая эту известную тягу, в лучшем случае человечество может надеяться на «стареющий мир», что согласуется с общемировыми демографическими тенденциями.

Что посеешь, то и пожнешь

В течение двухсот пятидесяти лет, с наступления эпохи Света мир наблюдал зарождение, рост, а затем и упадок соперничающих моделей государственного управления. Истоки обе модели берут в античности, точнее, в представлениях Древних Афин и Рима. Эти соперничающие модели действовали в противоположных направлениях. Первая, как мы видели, обещала свободу при равенстве, хорошо осознавая, что одно без другого приведет к противоречиям, вопиющему неравенству и, в конечном счете, к беспорядкам и войне. На всех уровнях управления в ней ценилось верховенство права и с этой целью обеспечивался должный баланс между противоборствующими требованиями групп или организованных общин и отдельных людей. Примером такого мышления, чья кульминация продолжалась чуть более трех с половиной десятилетий, стало создание ООН после Второй мировой войны. Затем возникла контркультура, которая во имя прогресса попыталась вернуться к неограниченному индивидуализму и дерегулированию на внутри страны в сочетании с гегемонией и правом на вмешательство в дела других стран (Marchese 2020: 11-23). Будем надеяться, что пандемия, резко выявившая многочисленные недостатки этого подхода и модели, также продемонстрировала настоятельную необходимость уравнивания противоборствующих требований и потребностей в рамках верховенства права. И вновь у нас есть отличное готовое решение: использовать богатое наследие, которое служило опорой демократического управления и мирного сосуществования между государствами.

Начиная с крестовых походов и до наших дней, волны имперской экспансии обусловили любопытный поворот в традициях управления, завещанных Грецией и Римом до прихода империи. Говоря словами Ф.А. Кливленда, «теория о том, что правительство существует для всеобщего блага и что государственная должность — это доверие общества» была возрождена и укреплена (как цитирует Mosher 1981:57). Оно должно осуществляться в соответствии с верховенством права, с *надлежащей правовой процедурой* и *последовательностью*, которые приобрели особый вес в сравнении с альтернативной максимой о том, «что угодно повелителю, то имеет силу закона» (*Quod principe placuit legis habet vigorem*). Декларация независимости и Конституция США провозгласили тот же принцип, и многое из того же можно сказать о процессе создания конституции во Франции в конце XVIII века (Hauriou 1968: 163-169). Как в США, так и во Франции, свобода и равенство были возведены в ранг фундаментальных принципов (Mosher F.C. 1976: 9). Конечно же, «самоочевидная истина» о том, что все люди созданы равными, в дни Джефферсона не могла встретить такую же поддержку как сегодня. Тем не менее, она следовала по пути мысли, берущей исток из философии стоицизма и римского естественного права (Haas G. 2021: 37-40). Эта модель продолжает действовать и по сей день. Одна из ее основных заповедей заключается в том, что люди рождаются равными (*omnes homines aequales sunt*). То, каким образом лишь столетие спустя, в конце XIX века, не только эта идеология, но и политическая практика были переиначены в стремлении к империи, как и к связанным с ней повесткам дня, остаются двумя загадками послепросветительского периода в истории. *Расизм* и *неравенство* были возведены в догмы. Завоевание и господство стали благородным и крайне важным делом,

доказательством совершенства и доблести. Этот переход не имел бы смысла без мощного наследия, завещанного крестовыми походами. Он положил начало процессу «искусственного обособления», сначала религиозного, а затем расового и географического; этот процесс продолжается и по сей день. Он резко делит человечество на две части: тех, кого мы считаем равными или «западными» и «цивилизованными», и тех, кого мы отвергаем и презираем как «диких», «варваров» и «восточных».

Мы видели, как это происходило в 20 веке и продолжается в 21-м. Эта горячая идея опиралась на два предположения, которые перевернули с ног на голову основы американской и французской революций, а именно, принципы равенства, солидарности или общины и свободы. Так, на заре 20-го века известный британский поэт Редьярд Киплинг обратился к президенту Теодору Рузвельту с призывом принять и взять на себя новую миссию - «*Бремя белого человека*». Спустя более столетия мало кто помнит Киплинга или «*Бремя белого человека*». Но и то, и другое широко читалось и обсуждалось в 1920-е, 1930-е и даже в военные годы. Поэма прославляла «цивилизационную миссию» империй и красочно описывала их пленников как «наполовину бесов и настолько же детей» (Immerwahr, D. 2019: 94). Узаконивание империи добавило содержание к доктрине, в том, что для блага «дикарей», Запад должен действовать вместо родителей («*in loco parentis*»), направляя народы на своем попечении в сторону западной добродетели и ценностей если необходимо *силой* (*manu militari*). В последнее время проявление этого духа «крестового похода», существующего и по сей день, породило такие выражения, как «*свободный мир*», «*построение нации*» и «*смена режима*», подразумевающие иностранного вмешательства.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОЛЬ РАВЕНСТВА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Мы являемся свидетелями, по сути, прогресса или извилистого движения идей, некоторые из которых слишком часто подстраиваются в угоду посторонним целям. Зародившаяся в Древнем мире концепция *равенства* требовала «прыжка веры», как это было в те времена, так и сегодня, когда общество в целом страдает от разительных диспропорций. Слившаяся воедино в античные времена с концепциями общности и демократии, как это имеет место по сей день, она должна была учитывать интересы категорий, проживающих в стране неграждан: различного числа иммигрантов (*metoikoi* или *peregrini*) и рабов. Необходимо подчеркнуть, что рабов в Древнем мире не следует сравнивать с рабами современности - продуктами, на это раз, экономик, несущих на себе колониальную экспансию и эксплуатацию человека. Рабство в Древнем мире часто было преходящим состоянием. Процесс освобождения от рабства в Иудее происходил раз в семь лет. На заре нашей эры, безусловно, институт рабства в Греции и Риме находился под влиянием стоицизма, роста естественного права (*jus naturale*) и связанной с этим концепции общей человеческой сущности, которая распространяла принцип равенства на всех членов человеческого сообщества, обеспечивая основу государства (*civitas humana*). Распространенным занятием среди рабов в древности было воспитание (*педагоги*), т.е. буквально сопровождение детей. Эпиктет, раб начала второго века нашей эры, был известным философом стоицизма, который впоследствии «руководил школой для молодых греческих и римских аристократов» (Haas 2021: 37).

Напротив, начиная с античности *неравенство* было закреплено в глубоко укоренившемся институте *патриархата*, а также в императорском правлении и господстве гегемона. Это происходило параллельно с ослаблением демократического управления и верховенства закона. Как в теории, так и на практике, но на современный лад, неравенство обрело

свою собственную жизнь в конце 19-го и начале 20-го веков, и этот период также ознаменовал апогей расизма, «евгеники», империализма, нацизма и фашизма во всем западном мире. Империализм и нацизм подняли *неравенство* на совершенно новый уровень. Они проповедовали культ насилия или гегемонии и подчинения как необходимые элементы, сопровождающие «прогресса» мира. На протяжении веков эти идеи были основными чертами *завоевательного* прозелитизма, который после крестовых походов был характерен для кампаний многих западных стран. Когда президент Т. Рузвельт отправился завоевывать Кубу, он взял с собой экземпляр книги Эдмона Демолина «Англо-саксонское превосходство» (Immerwahr 2019: 68). Примечательно, однако, что в XVII веке, устав от «бесконечной войны» - тридцатилетней войны, опустошившей Центральную Европу - соперничающие католические и протестантские правители признали тщетность попыток навязать свои ценности непокорным «иным». В 1648 году они подписали Вестфальский договор, который ввел два до сих пор малоизвестных и смутно оцененных принципа: *суверенное равенство правителей* (ныне народов) и доктрина *невмешательства* во внутренние дела других государств (*cuius regio, ejus religio*). На нашей памяти они нашли подтверждение дважды в сочетании с принципом ненападения: в Пакте Лиги Наций (1924 год) и еще более решительно - в Уставе Организации Объединенных Наций (1945 год). Неудивительно, они дважды были нарушены: накануне Второй мировой войны и на заре XXI века, когда происходили вторжение и оккупация государств в Западной Азии.

Оба эти события оставили шлейф бедствий, и мы не видим их окончания. Несмотря на то, что эти войны преподносились с целью «восстановить справедливость», установить «новый мировой порядок» или, более того, как намерение создать более благополучную жизнь с соблюдением прав человека, процветанием и демократическим управлением, вторжение и оккупация продемонстрировали их ограниченный и *неустойчивый* характер. Они не могут продолжаться долго без армии «*коллаборационистов*», как это наглядно доказали и Вторая мировая война, и более поздние войны. В частности, в Восточной Европе это прискорбное явление приобрело уникальные масштабы позднее в 1940-х и начале 1950-х годов, вызвав бегство и изгнание населения в Америку и массовые репрессии у себя дома (Mazower 2008: 259-471). Опыт Западной Азии и Северной Африки в наши дни указывает на аналогичное продолжение, хотя, возможно, еще слишком рано говорить об этом (Allison 2020; Allison 2018; Wertheim 2017; Niblett 2017). Каждый раз мы верим, что это время будет другим, потому что *мы*, «западные люди», намного лучше. На самом деле - это шаблон, такой же древний как Древняя Греция и Древний Рим. Некоторые из его черт развивались с меняющимися обстоятельствами, но суть остаётся, значительно усиленная позднее распространением веры и империи. Это шаблон, который нарушает равенство и равноправие, многообразие и инклюзивность. В условиях империи и христианства в качестве официальной государственной религии, этот шаблон постепенно наделялся стремлением к господству от имени Всевышнего. *Гегемония* превратилась в миссию. От Схизмы и крестовых походов, дней инквизиции и конкистадоров и до (западного) «бремена белого человека» и западного либерального порядка в наши дни, эта неразрывная преемственность была ничем иным, как сигналом. Ни одна другая политическая культура или традиция в мировой истории не может сравниться с ней.

ГЕГЕМОНИЯ ИЛИ НЕВМЕШАТЕЛЬСТВО?

Как мы видели, самые ранние упоминания относятся к Древней Греции и Золотому веку Афин. Автор «Пелопоннесской войны» Фукидид донес до нас две примечательных речи

афинских правителей. Одна из них – «Погребальная речь», приписываемая Периклу, который умер от чумы во время той тридцатилетней войны; другая является частью «Митиленских дебатов» (Thucydides 1984: 265-290). В первой восхваляются добродетели и слава афинской демократии; во-второй упоминают Клеона, который выступил с предложением убить восставших митиленцев. В ней содержался этот пророческий отрывок:

«Мне и прежде уже нередко приходилось убеждаться в неспособности демократии властвовать над другими государствами, но особенно это стало ясно теперь, при виде вашего раскаяния относительно приговора над митиленцами» (Thucydides 1984: 281)

После Второй мировой войны потребовался «скачок веры», чтобы подтвердить принципы суверенного равенства народов и невмешательства в качестве основополагающих принципов прочного мира. Эти принципы быстро стали заложниками существенного *изменения парадигмы*, отступления и кардинальных перемен, которые охватили весь мир в 1980-х и 1990-х годах и в начале этого нового столетия.

Как справедливость и равенство, так и инклюзивность и разнообразие были «сокращены» и с тех пор находятся под пристальным вниманием. На международном уровне этот сдвиг начался с Тони Блэра, лидера «нового лейборизма». В 1999 году во время выступления в Чикаго он отверг идею «невмешательства», как утратившую свою силу (Niblett 2017: 18). Череда войн, последующая за этим, показала, что лицензия на «вмешательство» в дела других стран рассматривалась прерогативой, распространяемой лишь на очень немногие государства. Она ведет начало из восхваляемой имперской экспансии и «бремени белого человека». Мало кто из сильных мира сего догадывался, что и другие, гораздо менее выдающиеся или могущественные, вскоре также решат вступить в бой с выгодой для себя (Wertheim 2017: SR7). Гегемонизм и вмешательство все чаще становятся контрпродуктивными и опасными. Они часто вызывают как сопротивление, так и недовольство, а также ведут к многочисленным бедствиям внутри страны, результатам «вмешательства» и «бесконечных войн».

Как отмечал Фукидид, демократия, гегемония, равенство, вмешательство и война не очень хорошо сочетаются. Речь идет не только конфликте интересов, но и столкновении ценностей. В 1980-е и 1990-е годы на всех уровнях управления, национальном и международном, с появлением новой парадигмы и государственная служба, и равенство подверглись сильной атаке в ущерб нашей профессии. По словам Х.Г. Фредериксона:

“В движении за переосмысление управления государством «государственная служба» - это враг, который должен быть побежден уполномоченными гражданами, делающими выбор, и уполномоченными государственными служащими, организующими государственный выбор” (Frederickson 1996: 265)

В управленческой модели приоритетное внимание отдается менеджеру и «заинтересованной стороне» (также акционеру), а не гражданину/заказчику или работнику. На первый план выходят послушание и дисциплина, а не участие и диалог («Пусть менеджер управляет!»). Вскоре концепция государственного администрирования трансформировалась в идею Государственного менеджмента, с тем чтобы удовлетворять потребности *не* простого человека - гражданина или резидента, а исключительно тех немногочисленных наверху: менеджеров, «заинтересованных сторон» и акционеров - тех, кто задает тон. Новый подход к управлению человеческими ресурсами хорошо отражает эту концепцию. Наивысший приоритет отдавался трем D (Downsizing, Devolution and Deregulation) (Сокращение, Деволуция и

Дерегулирование) с целью достичь 3Е (Expediency, Efficiency and Effectiveness) (Целесообразность, эффективность и действенность). Подчиненные, меньшинства, женщины и бедняки были *предоставлены сами себе*. Как результат этого мышления родился *Ното Эсопотичес*. Вскоре после этого разразилась сегодняшняя пандемия.

ДЕМОКРАТИЯ И МИР ИЛИ «СМЕЛЫЙ НОВЫЙ МИР»?

В основе этой атаки на демократические ценности и равенство лежала идеология «смелый новый мир», согласно которой прогресс и благое управление требуют небольшого правительства и «свободы для власть имущих». В идеале оно должно работать в условиях сокращения государственной службы, а также *дерегулирования*, предоставляя рыночным силам полную свободу и оставляя за правительством роль «стороны, содействующей» деловой активности (World Bank 1994). С течением времени мы увидели результаты такого «содействия». Диспропорции росли в геометрической прогрессии до беспрецедентных уровней, поставив под угрозу мир, общину и демократию (Krugman 2020: 259-297; Fukuyama 2020: 26-32). С древних времен в Греции, в Риме и за его пределами широко признавалось, что богатство переходит во власть, и даже меняет основы, которые люди воспринимали как нечто само собой подразумевающееся. За последние сорок лет примеры таких изменений приумножились, а *злоупотребление властью* усилилось наряду с резким ростом коррупции. Увеличились также различия между «имущими» и «неимущими». Тогда как во времена относительного благополучия они могут проходить незамеченными, во времена кризиса, напротив, эти изменения вызывают всплеск гнева и общественные беспорядки. Не только в Северной Америке, но и в некоторых частях Европы и мира в целом, растущая в связи с пандемией бедность заставила правительство принять меры по исправлению положения не только для того, чтобы оказать помощь бедным, но и для того, чтобы успокоить их гнев и негодование. Как показали недавние события, это не всегда срабатывало. Какой будет *новая норма*, когда мы выйдем из кризиса? Этот вопрос, несомненно, волнует всех (Fukuyama 2020: 26-32; Roberts 2020: 603-609). По сути, именно этот синдром циклически появляется еще со времен античности, когда свобода и равенство, демократия и империя обсуждались Аристотелем и историком Фукидидом. Это обсуждение продолжается и по сей день. В античном мире и современном, и особенно в наши дни, грандиозная концентрация богатства и способность использовать его для направления действий правительств, подорвали демократию и государственное управление, которые опираются на *равенство* и *служение*. Как показали последние десятилетия, гегемония и неравенство неоднократно приводили к войнам, завоеваниям и вмешательству, особенно в отсутствие противодействующих сил (Allison 2020: 30-40; Allison 2018: 124-133).

Баланс власти, равенства, справедливости и *умеренности* в государственном управлении и международных делах в условиях верховенства закона по всей видимости представляют собой квинтэссенцию наследия греческой и римской мысли, так как она развивалась в основном во времена самоуправления: Золотого века Афин и Римской республики. Это наследие было коренным образом изменено во времена империи, сместив как цели, так и центр внимания правителей в сторону территориальных завоеваний и побед, а также концентрации власти, рассматривая эти ресурсы как знаки Божией благосклонности. В течение последних двух столетий мы видели, как данная модель государственного управления претворялась в жизнь, в основном, с катастрофическими результатами. Даже сегодня, когда Вторая мировая война и ее последствия еще свежи в памяти людей, некоторые правительства, несмотря на

заявления о «благих намерениях», с готовностью переносят акцент своей деятельности с социального обеспечения на военные действия, предпринимаемые якобы в защиту мира и прав человека. В этих условиях, несмотря на благочестивые заверения многих представителей власти, *свобода* и *равенство* остаются под угрозой. Это - не «принятые мифы». Они лежат в основе демократии, способствуют делу мира и обеспечивают более надежный путь для глобального сотрудничества по сравнению с гегемонистским правлением, какими бы благими намерениями оно ни руководствовалось.

После 1980-х годов концепции и равенства, и мира подверглись ожесточенным атакам главным образом со стороны радикальных правых с использованием нарративов, характеризующихся неоконсервативными представлениями и идеями Нового государственного управления, а также и воинственных нарративов, провозглашающих необходимость «моральной ясности» и наращивания военного потенциала «для сохранения и расширения международного порядка, лояльного ... к «нашему процветанию и нашим принципам»⁴. Триумф такого мышления в последние десятилетия даже больше, чем пандемия, может быть вероятной причиной тех бедствий, которые пришлось пережить миру. Нам необходимо, чтобы экономика и управление направляли нас к рациональному государственному управлению. Однако, если оставить управление и экономику без контроля, это может подрвать как демократическое управление, так и государственную администрацию. Нам необходимо объединить менеджмент и экономику с изучением истории, этики, публичного права, психологии и социологии. Было справедливо отмечено, что равенство граждан, верховенство права и надлежащее судопроизводство являются теми столпами, на которые главным образом опираются государственное управление и профессия государственного служащего. Ни один из них не имеет большого веса в неолиберальном мышлении (Sommermann 2002: 33). Идеи Нового государственного управления, как уже упоминалось ранее, мы обязаны моделью человека *Ното Economicus*, одномерного человека, что подробно рассматривается в еще одном докладе, представленном на конференции в Анахайме (2020). Нет необходимости подчеркивать, что «Одномерный человек» (Marcuse 1964) может, вероятно, функционировать эффективно и результативно, но, как утверждал Фукидид в «Погребальной речи», приписываемой Периклу, он едва ли способствует продвижению эталона хорошего гражданина или хорошего государственного служащего и члена гражданского общества. Люди многогранны и должны таковыми оставаться. Нам необходимо пересмотреть, переформатировать и переупорядочить наши приоритеты, чтобы построить более здоровое общество как на национальном, так и на международном уровнях.

В этой работе, написанной по горячим следам пандемии Covid-19 и книги «Одномерный человек», предпринята попытка дать частичный ответ на вопрос, который лежит в центре государственного управления: «кто получает выгоду» от государственного управления; в каком объеме и насколько надежно; «кто платит» за общественные блага и насколько высоко мы должны ценить, помимо эффективности, «справедливость в распределении благ» и *равноправие*? Со времен Золотого века Афин и Римской республики эти вопросы составляют суть политологии и государственного администрирования.

⁴ https://en.wikipedia.org/wiki/Project_for_the_New_American_Century

БИБЛИОГРАФИЯ

- Allison, G. (2020) "The New Spheres of Influence Sharing the Globe with Other Great Powers" *Foreign Affairs*, Vol. 99(2), pp. 30-40.
- Allison, G. (2018) "The Myth of the Liberal Order: from Historical Accident to Conventional Wisdom", *Foreign Affairs*, Vol. 97(2), pp. 124-133.
- Ascherson, N. (1996) *Black Sea: Birthplace of Civilization and Barbarism*, London, Jonathan Cape.
- Baimenov, A. and Liverakos, P. (Eds 2019) *Public Service Excellence in the 21st Century*; Singapore, Palgrave Macmillan, pp. 1-30.
- Carter, Z. (2020) *The Price of Peace, Money, Democracy and the Life of John Maynard Keynes*, New York, Random House
- De Vries and P.S. Kim (Eds. 2014) *Value and Virtue in Public Administration: a Comparative Perspective*, New York, Palgrave Macmillan.
- Frederickson, H.G. (1996) "Comparing the Reinventing Government Movement with the New Public Administration" *Public Administration Review*, Vol. 56(34).
- Friedman, M. (1993) *Why Government is the Problem*, Hoover Institution press, Palo Alto.
- Fukuyama, F. (2020) "The Pandemic and Political Order" *Foreign Affairs*, Vol. 99(4), pp. 26-32.
- Hauriou, A. (1968) *Droit Constitutionnel et Institution Politiques*, Paris, Editions Montchristien.
- IIAS (2002) *Governance and Public Administration in the 21st Century: New Trends and New Techniques*, Brussels, International Institute of Administrative Science.
- Hays, G. (2021) "Tune out and lean in". *The New York Review of Books*, Vol. LXVIII (4), pp. 37-40.
- Herodotus, Book I (Lydia), M.I. Finley (Ed 1985) *The Portable Greek Historian*, New York Penguin Books, pp. 27-29.
- Immerwahr, D. (2019) *How to Hide an Empire*, New York, Farrar, Straus and Giroux.
- Kim, P.S. (2019) "Preface", Baimenov A. and P. Liverakos, *Public Service Excellence in the 21st Century*, Singapore, Palgrave Macmillan, pp. xi-xxv.
- Krugman, P. (2020) *Arguing with Zombies*, New York, W.W. Norton & Co.
- Ktistaki, S. (2013) "L'Espace Administratif Européen et ces Implications: le Cas du Professionalisme de la Fonction Publique - dans les Pays d'Europe Continentale", D. Argyriades and Gérard Timsit, *Moving Beyond the Crisis: Reclaiming and Reaffirming our Common Administrative Space, Pour Dépasser la Crise: un espace Administratif Commun*, Brussels, Bruylant/IIAS, pp. 35-69.
- Marchese, D. (2020) "Madeleine Albright and the Merits of American Intervention" *The New York Times* April 26, 2020, pp. 11-23.
- Marcuse, H. (1964) *One-Dimensional Man*, Boston Beacon Press.
- Mazower, M. (2008) *Hitler's Empire: How the Nazis Ruled Europe*, New York, The Penguin Press.
- Mosher, F.C. (1981) *Basic Literature of American Public Administration*, New York, Holmes & Meier Publishers Inc.
- Mosher, F.C. (1976) *Basic Documents in American Public Administration 1776-1950*,
- Nabatchi, T. (2010) "The (Re)discovery of the Public in Public Administration" in *Public Administration Review* Suppl. to Vol. 70 pp. S309-S311.
- Newland, C. & D. Argyriades (2019) "Reclaiming Public Space: Drawing Lessons from the Past as we Confront the Future; Sustainable Development Goal 16"
- Roberts, A. (2020) "The Third and Fatal Shock: Pandemic Killed the Millennial Paradigm", *Public Administration Review*, Vol. 80(4), pp. 603-609.

- Sen, Amartya (2009) *The Idea of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Sommermann, K.P., "The Rule of Law and Public Administration in a Global Setting", *Governance and Public Administration in the 21st Century: New Trends and New Techniques*, Brussels, IIAS, pp. 67-82 & p. 33.
- The New York Times Magazine*, "Madeleine Albright on the Merits of American Intervention", April 26, 2020, pp. 1-23.
- Thucydides (1984) "The Peloponnesian War", M.I. Finley (Ed. 1985) *The Portable Greek Historian*, New York, Penguin Books, pp. 217-380.
- Wertheim, S. (2017) "A Trump Doctrine is Born" *The New York Times*, Sunday February 6, 2017, pp. SR1 & 2.
- World Bank (1999/2000) *World Development Report: Entering the 21st Century*, Oxford, Oxford University Press.
- World Bank (1997) "The State in a Changing World", Washington, DC, World Bank.
- World Bank (1994) *Governance: the World Bank's Experience*, Washington, DC, World Bank.